

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-32-36

Лекант П.А.*Московский государственный областной университет***ФОРМЫ ИНТЕНСИВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА**

Аннотация. Аналитическая категория *интенсив* в синтаксическом строе русского языка является средством выражения экспрессии, градации, оценки. Она относится к сфере эмоционального. В форме интенсива эти значения создаются частицами *как, так, какой, такой* – грамматизованными местоимениями. В поэтическом языке Пушкина формы интенсива органически включаются в чёткий синтаксический строй стиха. Грамматический потенциал частиц согласуется с семантикой и стилистикой основного компонента. В стихотворном тексте создаются яркие экспрессивные картины, с одной стороны, одобрения, восхищения, восторга, любви, с другой стороны, – осуждения, порицания, негодования, презрения, ненависти. В статье особо отмечается высокая степень оценки в интенсивах с участием слов оценивающей семантики: *хорошо, чудно; мила* и др.; повторов, а также междометий *Ах! О! Боже!* и др. Незначительное употребление имеют периферийные формы интенсива с частицами *что за, ай да* и пр. В поэтическом языке Пушкина формы интенсива занимают достойное место как грамматико-стилистическое средство экспрессии, эмоциональности, оценки, градации.

Ключевые слова: стиль Пушкина, интенсив, экспрессия, эмоциональность, оценка.

P. Lekant*Moscow State Regional University***FORMS OF INTENSIVE IN THE POETIC LANGUAGE OF A. PUSHKIN**

Abstract. The analytical category of the intensive in the syntactic structure of the Russian language is a means of representing the expression, gradation, evaluation. It belongs to the emotional sphere. In the form of the intensive these means are created by the particles *как, так, какой, такой* – grammatised pronouns. In Pushkin's poetic language the forms of the intensive are organically included in a clear syntactic structure of the verse. The grammatical potential of the particles is consistent with the semantics and stylistics of the main component. Bright expressive pictures are created in the poetic text: on the one hand, pictures of approval, admiration, enthusiasm, love, and on the other hand, of censure, blame, resentment, contempt, hate. The article highlights the high degree of evaluation in the intensives that contain words with the evaluative semantics (*хорошо, чудно; мила, etc.*); repetitions and interjections (*Ах! О! Боже!*), etc. In Pushkin's poetic language the forms of the intensive occupy its rightful place as the grammatical and stylistic means of expression, emotion, evaluation, gradation.

Keywords: Pushkin's style, intensive, expression, emotion, evaluation.

Интенсив как субъективная оценочно-эмоциональная категория принадлежит грамматической системе русского языка, а реализуется и развивается в художественной речи, преимущественно в поэтической [7, с. 135-136].

Интенсив представлен чёткой системой аналитических форм, включающих сочетания слов знаменательных частей речи с частицами местоименного происхождения *как – какой, так – такой* («восклицательные местоимения» - по А.Н. Гвоздеву [5, с. 46].

Как – так, какой – такой, определённо, формальные слова, то есть особые частицы с собственным, неповторимым набором признаков. В конкретном употреблении тот или иной признак актуализируется, но не подавляет другие; ср., например: [Самозванец] **Как** счастлив он! **как** чистая душа в нём разыгралась! О, витязь мой! завидую тебе! (А. Пушкин); **Как** жёлт огонь, **как** бел на синем дом (И. Бунин); **Я так** люблю осенние утра За нежную невозвратимость ласки! (И. Анненский) – полнота; [Григорий] **Как** весело провёл свою ты младость! (А. Пушкин); **Как** мы подземны! **Как** мы надзвёздны! (И. Северянин); А свод **так** сладостно дремуч, **Так** миротворно слиты звенья... (И. Анненский) – знак оценки; О, **как** весело мне думать, что тебя увижу я (А. Ахматова); И стало мне вдруг **так** больно, **Так** жалко стало дня (Н. Гумилёв) – субъективность, эмоциональность.

Сочетания частиц *какой, как, такой, так* с «полными» словами представляют семантико-синтаксическое единство – не форму этих слов (ср. *как вскочит, как крикнет* и др.), а особую синтаксическую форму – **интенсива**,

которая определяет субъективную окраску высказывания.

Подобно *как – так*, частицы *какой – такой* образуют форму интенсива с прилагательными – в атрибутивной или в предикативной функции; напр.: *Лежит пушистая Снежинка смелая. **Какая** чистая, **Какая** белая!* (К. Бальмонт); *Я остановился наконец, **Какая** страшная тишина!* (И. Тургенев); *Я усталым **таким** ещё не был* (С. Есенин).

Аналогичность форм с *как – так* и с *какой – такой* показывает употребление их в одном высказывании; напр.: **Как** ты шалишь и **как** ты мил, **Какой** избыток чувств и сил, **Какое** буйство молодое! (А. Пушкин); **Какая** боль, **какая** страстная, **Как** сладко мне её продлить! (К. Бальмонт); **Как** чисто гаснут небеса, **Какою** прихотью ажурной Уходят дальние леса (И. Анненский).

Формы интенсива представляют парадигму семантико-прагматической категории интенсива в пространстве полнозначных лексических единиц всех частей речи современного русского языка. Интенсив определяет колоссальный потенциал субъективности и экспрессии высказывания в русской речи, который реализуется как в спонтанной речевой стихии, так и в обдуманной, отшлифованной художественной речи. Этот потенциал усиливается, умножается посредством: а) повтора, б) междометия, в) частиц. См.: О, **как** милее ты, смиренница моя! О, **как** мучительно тобою счастлив я... (А. Пушкин); Чу, **так** и есть! **вон** скачут. Эге-ге, да **как** шибко; уж не генерал ли? (А. Пушкин).

Нельзя сказать, что сфера употребления интенсива только поэзия, во-

обще художественная литература – эта категория активно используется в обиходной, «живой» речи, украшается жестами, мимикой. Это уже не декламация – это крик души.

В поэтическом языке А.С. Пушкина (в особенности зрелого периода) формы интенсива органически включаются в чёткий синтаксический строй стиха. По определению В.В. Виноградова, «Короткие, точно и строго организованные отдельные предложения выстраиваются в стройную цепь» [3, с. 276]. См., например: *Я царствую!.. Какой волшебный блеск!* («Скупой рыцарь»); *Какая ночь! мороз трескучий, На небе ни единой тучи...* («Какая ночь...»); *Пред ней задумчиво стою, Свести очей с неё нет силы; И говорю ей: как вы милы! И мыслю: как тебя люблю!* («Ты и вы»).

«Стремление сблизить разные стили литературной речи с разговорным языком выражается в синтаксическом сгущении речи, в ограничении протяжения синтагм и предложений» [3, с. 276]. В стиле Пушкина можно отметить удивительное сходство поэтических и прозаических фрагментов. Ср.: *Какой восторг тогда пред ним раздался! Как был велик, как был прекрасен он, Народов друг, спаситель их свободы!* («Была пора: наш праздник молодой...»); *Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове «отечество»! Как сладки были слёзы свидания!* («Метель»).

Потенциал добавочных значений и оттенков интенсива, отмеченный выше, реализуется в полном согласии с семантикой и стилистикой полного слова – основного компонента. Имя «положительного», доброго, приятно-

го действия, состояния или чувства предрасполагает в интенсиве его высокую и яркую положительную оценку, полноту (градацию), субъективное отношении говорящего. Соответственно меняется арсенал смыслов с именами «отрицательного» действия, состояния или чувства. Ср.: *А. Без вас мне скучно, – я зеваю; При вас мне грустно, – я терплю; И мочи нет, сказать желаю, Мой ангел, как я вас люблю* («Признание»); *Он свежее весны, Жарче летнего дня; Как он молод и смел! Как он любит меня!* («Цыганы»); *И он глядит: на тихом ложе Как сладок юности покой! Как сон её лелеет нежно!* («Полтава»); *Как часто грудь её вздыхает! Как часто тихое лицо Мгновенной розою пылает!* («Руслан и Людмила»). Б. *Как тяжко мёртвыми устами Живым лобзанням отвечать И очи, полные слезами, Улыбкой хладною встречать!* («Кавказский пленник»); *О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!* («Скупой рыцарь»); *Она забыла стыд и честь, Она в объятиях злодея! Какой позор!* («Полтава»); *Какой же властью непонятной К душе свирепой и развратной Так сильно ты привлечена?* («Полтава»).

В окружении лексики чувств, погружении в страсти как и так уравниваются (*так*, по определению, более «холодное»), цельность эмоционального интенсива подогревается интонацией, подкрепляется повторами, междометиями. Например: *Но я любим... Наедине со мною Ты так нежна! Лобзания твои Так пламенны! Слова твоей любви Так искренно полны твоей душою!* («Простишь ли мне ревнивые мечты...»); *И жил, не признавая власти Судьбы коварной и слепой; Но боже! как играли страсти*

Его послушною душой! («Цыганы»); Я вас любил **так** искренно, **так** нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим («Я вас любил...»); **Ах, как** мила моя княжна! («Руслан и Людмила»); **О, как** слепа, безумна злоба! («Полтава»); Но бури севера не вредны русской розе. **Как жарко** поцелуй пылает на морозе! **Как** дева русская свежа в пыли снегов! («Зима. Что делать нам в деревне?»). Здесь уместно привести рассуждение Н.Д. Арутюновой: «Любое чувство, настроение, состояние психики имеет тенденцию разрастаться до такой степени, чтобы заполнить собой всё «нутро», весь «сосуд» его души или сердца» [1, с. 389].

Пушкин стремился передать посредством интенсива и глубину чувства, и категоричность оценки, при этом мог ограничиться минимальными «синтагмами» (Виноградов) – с участием оценочных слов. См.: [Лаура] **Как хорошо** ты сделал, что явился Одной минутой позже! («Каменный гость»); **Этот** взгляд **Всё** может выразить **так чудно!** («Признание»); **Как я любил** твои отзывы, Глухие звуки, бездны глас, И тишину в вечерний час, И своенравные порывы! («К морю»).

Именно в подобных случаях речь может идти о «синтаксисе эмоций», по В.Г. Гаку, и даже об «эмотивных предложениях», вроде *Какой чудесный вечер!* [4, с. 20]. Следует заметить, что в различных описаниях эмоциональности и эмотивности обычно упоминается именно *какой*; (см.: [4, там же]; [5, там же] и др.

В.В. Виноградов, разбирая и характеризуя различные аспекты языка Пушкина, останавливался на вопросе выражения экспрессии и эмоциональности. Он подробно анализирует

язык Татьяны («Евгений Онегин») и заключает: «...Конечно, основа языка Татьяны – в новых формах экспрессии, в новых принципах выражения чувств» и отмечает аналогию в письме Онегина: *Какое горькое презренье Ваш гордый взор изобразит...* [2, с. 247]. В романе «Евгений Онегин» нами отмечено более шестидесяти фрагментов, включающих интенсив, в том числе: *Я так люблю Татьяну милую мою.* Но это предмет отдельного описания.

Обращает на себя внимание преимущественное участие интенсива в описании отношения *к лицу*, своеобразный антропоцентризм. Однако *не-лицо* – это объект субъективного отношения, оценки – эмоциональной, этической и пр.; ср.: *Ужасен он в окрестной мгле! Какая дума на челе! Какая сила в нём сокрыта! А в сем коне какой огонь!* («Медный всадник»); *Как милы тёмные красы Ночей роскошного Востока! Как сладко льются их часы Для обожателей Пророка! Какая нега в их домах, В очаровательных садах...* («Бахчисарайский фонтан»). В первом фрагменте интенсив представляет довольно холодную оценку, с преобладанием градационного смысла – это впечатление героя поэмы. Во втором фрагменте интенсив содержит эмоциональную оценку – это описание-любование.

Эмоциональный, градационный, оценочный потенциал интенсива в поэтическом языке Пушкина предназначен создавать и усиливать образный смысл стиха. Сравним два фрагмента: [Самозванец] *Ты ль наконец? Тебя ли вижу я... Как медленно катился скучный день! Как медленно заря вечерня гасла! Как долго ждал во мраке я ночном!* («Борис Годунов»); *Прощай,*

письмо любви! прощай: она велела. Как долго медлил я! как долго не хотела Рука предать огню все радости мои!.. («Сожжённое письмо»). При сходстве формы и лексического состава интенсива, образный смысл решительно различен: в первом – любовное томление и даже укоризна, недовольство; во втором – сожаление, страдание, боль.

Итак, как свободно, легко, изящно включаются *формы* интенсива в синтаксис пушкинского стиха – так глубоко, разнообразно, широко обогащается его образный **СМЫСЛ**.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 895 с.
2. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.: Наука. 2000. 498 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М.: Высшая школа. 1982. 528 с.
4. Гак В.Г. Синтаксис эмоции и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М., 1966. С. 19-30.
5. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. Ч. II. Синтаксис. М.: Учпедгиз. 1958. 299 с.
6. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44-48.
7. Лекант П.А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. М.: МГОУ. 2011. С. 130-136.